

Наледь

Из дневника реаниматолога

Алексей Баев

8 июля

Мысли, мысли, мысли... Они постоянно роятся в моей голове, вызывая чувства, окрашиваясь попеременно то в светлые тона, то в темные. Играют оттенки, лучатся светом, погружают во мрак. Или летят неизвестно куда, только дай слабинку, доставь им ничтожный шанс обрести волю...

Ох уж мне эти стереотипы!

Ну почему, скажите, если кто сквернословит, он обязательно «матерится, как сапожник»? Вы, например, кровельщиков слышали? Или грузчиков? Или тех же менеджеров в курилке? Отчего, если зол человек, то непременно «как собака», а хитер «как лиса»? Дома у меня живет милейшее и совершенно бесхитростное четвероногое создание обычной для улиц породы «полутакс». По имени Лисицын. Нет, ясное дело, не по имени, конечно, а по кличке. Хоть раз бы на кого, собака, рыкнул или недобро твякнул. У самого зла порой не хватает, когда вижу, как мой Лисицын облизывает физиономию моей же теще, старухе склочной и зловредной. И за что, спрашивается? За колбасу? За косточку? В том-то все и дело, что не за лакомства свои собачьи, не за гастрономические радости, а просто так, от искренней своей любви ко всему живому. Сволочь ласковая!

Впрочем, мысли мои сегодня не о том Лисицыне, а о совсем другом, в честь которого добрейший полутакс, подобранный на улице в нежном возрасте, и был назван. О старом моем знакомом — о Гоше.

Этот самый Гоша Лисицын, интеллигентный человек, пусть простоватый и немного застенчивый, обладатель густой рыжей шевелюры и совершенно альтруистического характера имени матери Терезы, работает сапожником. Арендует малюсенькую — полтора на полтора — каморку, спрятавшуюся под дальней левой лестницей огромного торгового комплекса, который возвели некие уникальные градостроители на месте уникального же старинного квартала позапрошлого века, некогда украшавшего совсем неинтересный ныне центр.

Клиентов у Гоши не очень-то много. В основном старые, такие же, как и я, знакомцы, что до сих пор не могут привыкнуть тут же нести любимые боты на помойку, если появилась трещинка на подошве. Сколько лет прошло, а не выветрились у нас воспоминания об очередях за чехословацкими туфлями или за югославскими сапогами по записи в профкоме. Может наш сапожник, если возникнет в том надобность, не только профилактику поставить, набойку на каблук или хитрую противогололедную подковку с шипчиками, но и подошву поменять, валенки подшить и даже прохудившиеся резиновые сапоги хитрой заплаткой-аппликацией украсить. Знает всех нас, постоянных, не только в лицо и по фамилии, заносимой неизменным, предварительно послонявленным химическим карандашом в журнал, но и по имени (старших — по имени-отчеству). Для каждого у Гоши припасены улыбка, доброе слово, свежий анекдот без клубничного привкуса,

ФАНТАСТИКА

а если вы придете с малолетним дитем или внуком, то для чада и карамельная конфета «Гусиные лапки» в аппетитно шуршащей целлофановой обертке наверняка отыщется...

Гоша появился в нашем городе чуть меньше двадцати лет назад — восемнадцать или девятнадцать. Точно не помню. Но дело было летом, в середине июля.

Я, врач-реаниматолог, тогда уже работал в городской больнице, заведовал отделением интенсивной терапии. Обычная, казалось бы, профессия. Вполне мирная и в перечне медицинских специализаций особо ничем не примечательная.

В то время далеко на юге, в горах, шла война. Да-да, та самая, которую ныне называют первой чеченской, или вооруженным конфликтом на Северном Кавказе. Не знаю, зачем и кто принял такое нелепое решение, но в наш городок, отстоящий от зоны боевых действий на добрую тысячу верст, постоянно привозили раненных и покалеченных бойцов. Нет, «серьезных» почти не было — тех прямо с передовой переправляли авиацией либо в Ростов, который, к слову, гораздо ближе к Кавказу, либо, в особо тяжелых случаях, в столицу. К нам же поступали в основном с легкими пулевыми, с контузиями и переломами. «Подранки», как мы их меж собой называли.

Случалось, правда, что военеды торопились с диагнозом, и у нас оказывались практически приговоренные. Но разве можно наших коллег за это винить? С их-то бессонными сутками и нагрузкой, превышающей все мыслимые пределы. Впрочем, я не общественный деятель и не политик, чтоб взывать к совести и читать нотации.

Лисицын как раз и оказался из таких «ошибочных». После очередной заварушки — об этом я узнал много позже — санитары каким-то чудом заметили макушку, торчащую из сугроба, и откопали паренька. Живого. Но в бессознательном состоянии. Был тот не так чтоб очень, но обмороженным. Плюс — ранение в голень. Как водится, аккуратно переложили на носилки и отправили в полевой госпиталь. Там тоже беглый осмотр провели, промедолом укололи, временную перевязку сделали — и к нам на самолете. Им бы удивиться, что бедолага даже не стонет в беспомощности, внимание обратить на пониженную температуру тела, полный осмотр сделать. Да кто разбираться станет, когда ежедневно такой наплыв пациентов, что только успевай рассортировывать?!

В общем, лишь через сутки оказался Гоша у нас. Игорь Иванович, наш ведущий нейрохирург, мужик дотошный и обстоятельный, волею случая оказавшийся в те сутки на дежурстве в приемном покое, и заметил при осмотре аномалию. Небольшое отверстие в затылочной части черепа. Почти бескровное, а потому практически незаметное под отросшими волосами. Сам тотчас и операцию провел, прекрасно понимая, что переправлять такого пациента «по инстанции» — это может обойтись слишком дорого.

— Слушай, Андрей, ты, пожалуйста, к пацану будь внимательней, хорошо? К Лисицыну. — Мы с хирургом курили на лестничной клетке.

— Что-то не так, Игорь Иванович? — Я сделал очередную затяжку и пристально посмотрел ему в глаза.

— Андрюх, чертовщина с ним какая-то... Нет, операция прошла нормально, дырку я от костных осколков вычистил. Пули там не было. Да и не похожа рана на огнестрел. Как от заточки. Или... Знаешь, однажды мужика оперировал, которому с крыши на голову сосулька упала, пробила череп. Так, очень, я тебе скажу... Впрочем, не стану. Домыслы. А по нашему делу я так думаю — серьезных повреждений мозга быть не должно. Может, разве, амнезия временная возникнет или нарушение речи... но это не страшно. Бог даст, восстановится. Меня другое волнует: слишком уж он холодный. Словно неживой давно. Как труп, понимаешь? Тьфу-тьфу-тьфу! — Хирург поплевал через левое плечо и постучал костяшками пальцев по облупившемуся подоконнику.

— А поподробней, Игорь Иванович? — Я, честно говоря, не очень понимал, о чем он говорит.

Хирург затушил окурок о плевательницу, служившую пепельницей, и, вытащив из кармана халата портсигар, достал новую сигарету. Прикурил.

— Андрей, я не знаю, что это. — Он в задумчивости выпустил облачко дыма. — Сестра измеряла температуру до операции и после. На градуснике шкала начинается с тридцати четырех. Так вот... ртуть не подымается. И на ощупь он... — Игорь Иванович потрогал пальцами отключенный радиатор под окном, — точно такой же... Если не холоднее... Бррр...

Его передернуло. Я на автомате потянулся к батарее. Холодная.

— Правда, что ли?

— Ты думаешь, я с тобой тут шутки шучу? Прости, Андрюха, как-то совсем не до веселья. В общем, глаз да глаз за ним, договорились? Если что, вызванивай, будем разбираться вместе. А сейчас... Сейчас мне пора в приемный.

Игорь Иванович бросил незатушенную сигарету в плевательницу и, махнув рукой, пошел вниз по лесенке. Я, докурив, вернулся в отделение.

Зайдя в палату, где под капельницей лежал новенький, я, еще не прикоснувшись к нему, понял, что Игорь Иванович душой не покривил. Что-то тут было не так. В помещении чувствовалась для времени года непривычная, мягко говоря, прохлада. Словно кондиционер работал на полную мощность. Но какие у нас, в простой провинциальной больничке, кондиционеры?!

— Андрей Ильич, — спросила медсестра, которая при моем появлении вышла из процедурной, — он вообще жив?

— А что такое? — ответил я вопросом на вопрос.

— Да так, — пожалала она плечами, — холодный, как из мертвецкой.

— Дышит?

— Да дышит вроде, — неуверенно проговорила она.

Я подошел к кровати. Пациент еще не пришел в сознание. Я потрогал ему лоб и рефлекторно отдернул руку. Ужас. Словно лед... Мистика какая-то.

— Пульс посчитайте, давление измерьте. И температуру, — велел я. — Если не подойдет обычный градусник, снимите с окна уличный. Только промойте хорошо и спиртом протрите. Будем думать, что с ним делать. Нда-а...

Пока медсестра выполняла мои указания, я достал из кладовой пару масляных обогревателей, которые мы

включали зимой во время особенно сильных холодов, и подключил один к электросети. Немного подумав, врубил и второй. На полную. Минут через пять стало теплее.

— Андрей Ильич, пульс — двадцать пять, давление пятьдесят на тридцать, — подошла к моему столу сестра, — да и температура...

— Что — температура? Не тяните!

— Два градуса...

Я поднял на нее глаза и заметил, что у девчонки нервно дергается веко. Верить собственному слуху мой мозг решительно отказывался.

— Сколько? — переспросил я.

— Д-два, — заикаясь, повторила медсестра. — М-минус.

Я сжал кисти рук так, что побелели костяшки. Минус два! Да этого просто быть не может! Бред! Он же в сосульку с такой температурой должен превратиться... а кровь? Кровь, судя по пульсу и давлению, циркулирует. Действительно, прав Игорь Иванович — чертовщина какая-то.

— Так, знаете что?! — обратился я к сестре.

— Что, Андрей Ильич?

Я достал из кармана бумажник и положил его на стол.

— Сходите-ка в аптеку, я там вчера новое чудо техники видел — электронные термометры. Купите один. Нет, лучше два. Мало ли... Понимаю, что дорого. Но надо. Не экономьте, договорились? Берите самые надежные и качественные.

— Ладно, Андрей Ильич, — сестра, кивнув, взяла кошелек, — что-то еще?

— Пока все. Идите, — ответил я. — А я пока кровь на повторный анализ возьму. Не дай Бог, аллергия на препараты...

Процедуры помогли. Хоть и не сразу. Сказать, что мы с Гошей намучились, — ничего не сказать. Полторы недели сутки напролет с ним рядом находился кто-то из врачей или младшего медперсонала. Кроме капельниц и уколов, делали разогревающие растирания, обкладывали теплыми грелками, поили через трубочку разогретым куриным бульоном, который специально варила моя жена. Я и сам пять суток не выходил с работы. Да и заснуть больше чем на пару часов не мог. В конце концов наши старания дали результат.

Однажды вечером, решив не беспокоить уставшую медсестру, прикорнувшую на кушетке, я поменял Лисицыну в капельнице банку с физраствором и уселся за стол заполнять журнал. Гоша к тому времени хоть в сознание и не пришел, но практически «оттаял». Давление поднялось, пульс участился. И температура тела стабилизировалась на тридцати двух градусах, поэтому инъекции и грелки мы решили отменить, оставив лишь разогревающий массаж. Радиаторы тоже убрали — в помещении вновь воцарился привычный климат.

Для тех, кто ни разу не бывал в отделении интенсивной терапии, или, попросту, в реанимации, дам небольшое разъяснение, как там все выглядит. Привычных палат нет. Есть галерея комнат, отделенных одна от другой стеклянными перегородками. В первой стол дежурного доктора, который таким образом видит все происходящее собственными глазами. В последней — процедурная. На самом деле процедурной как таковой она не является, это скорее склад медикаментов, расходников и комната отдыха медсестер. А все необходимые реанимационные действия производят непосредственно в палатах, оборудованных необходимыми приборами. Что поделат —

специфика. Всего отсеков для больных у нас пять, на два койко-места каждый. Обычно все они заняты — площадей хронически не хватает. Летом, правда, посвободней. Люди в отпусках предпочитают не болеть. В то же самое время, когда в больнице появился Лисицын, — удивительное дело! — у нас, кроме него, вообще никого не было. Ну не чудо?

Так вот, Гоша, что вполне естественно, лежал в первом отсеке-аквариуме. То есть прямо передо мной. Отделенный лишь парой метров пространства и стеклянной стенкой. Дверь между дежуркой и палатой была открыта.

Как я ничего не увидел и не услышал, до сих пор не укладывается в моей голове, но факт остается фактом. Не увидел и не услышал. Наверное, увлекся не столько канцелярской работой, сколько собственными мыслями, что тоже порой случается. Вернул на землю меня телефон. Звонила баба Аля, медсестра из приемного покоя.

— Андрюшенька Ильич, скажите, пожалуйста, Георгий Лисицын — ваш пациент?

— Мой, — ответил я и на автомате глянул сквозь перегородку.

Гошина кровать пустовала. Я почувствовал, как сжалось сердце. В голове зашумело — скакнуло давление.

— Андрюша, вы слушаете? Алло! Андрей Ильич! — над-рывалась тем временем трубка.

— Да! — крикнул я, чувствуя, что впадаю в истерику. — Алевтина Петровна, Лисицын пропал! Надо срочно...

Но меня перебили:

— Все нормально, Андрюшенька, у меня ваш Лисицын. Не беспокойтесь. Я его сейчас чайком напою и к вам про-вожу. Алло! Андрей Ильич, вы...

Но я уже летел вниз, перескакивая через две ступеньки.

Картина, которую я увидел в приемном, заставила меня опереться спиной о стену. Чтоб не упасть.

Мой пациент как ни в чем не бывало сидел на табурете и, ловко орудуя шилом, толстой иглой с суровой нитью, служащими для прошивки документов, чинил стоптанный мужской полуботинок. Рядышком суетилась Алевтина Петровна — баба Аля, наша старейшая медсестра. Завари-вала в стаканах чай и выкладывала в мисочку знаменитые на всю больницу пироги и плюшки собственного пригото-вления. Увидев меня, Лисицын робко улыбнулся, мгновенно покраснел, опустил взгляд на башмак и продолжил работу. Баба ж Аля обрадовалась мне словно родному сыну.

— Андрюшенька, дорогой мой, берите стул, подсажи-вайтесь, будем чайком баловаться. Вы ведь пирожки с яблоками любите?

— Да, люблю, — кивнул я, — но позвольте, Алевтина Петровна...

— Сейчас я все вам, Андрюша, объясню, — вновь улыб-нулась баба Аля. — Тут Игорь Иванович заходил, жаловался, что подошва оторвалась, так Гошенька взялся ему ботинки починить. Ах, какой мальчик, золотые руки! Смотрите, как работает. Прямо любо-дорого.

— Георгий? — обратился я к пациенту.

— Все нормально, доктор, — не поднимая глаз, полуше-потом отозвался Лисицын, — не волнуйтесь за меня. Про-стите, что без спроса от вас ушмыгнул. Уж больно лежать устал — спина затекла. Надо было, конечно, вам сказать...

— Да уж надо было! — вздохнул я, подвинул стул к столу, уселся и взял аппетитно благоухающий сдобой пирожок. — Лежать он устал. Спина у него затекла. Что мне теперь с тобой делать-то, а? Пороть, вроде, поздно...

Со скрипом открылась дверь. В покой ворвался ураган — я

аж спиной почувствовал поток бешеной энергии. Так у нас в больнице появлялся только нейрохирург.

— А, Андрюха! — прогремел знакомый голос. Я не ошиб-ся. — Хорошо, что заскочил. Баба Аля у нас нынче за бу-фетчицу. Не пробовал ее стряпню? Рекомендую — пальцы отъешь! Гоша, как там мой башмак?

— Починил, Игорь Иванович. — Лисицын протянул ботинок хирургу.

Покрутив его в руках, Игорь Иванович бросил ботинок на пол, скинул тапку, примерил.

— Молодец, хорошая работа! Сапожником до армии работал?

— Сапожником, — кивнул Лисицын. И зачем-то до-бавил: — Ноги всегда должны быть в тепле.

— Особенно летом, — рассмеялся хирург, после чего об-ратился ко мне: — Сам видишь, Андрей, у тебя ему делать больше нечего. Недельку поваляется в нейрохирургии, и будем на выписку готовить. Ты как, не против?

— Давайте-ка, Игорь Иванович, с выпиской торопиться не будем, надо еще разок полное обследование сделать. — Я отхлебнул чаю. — А к вам в отделение перевести — я не против. Нужны мне такие бегуны, как думаете? — и подмиг-нул своему пациенту. Теперь уже без пяти минут бывшему.

В армию Гошу, естественно, не вернули. Комиссовали по-сле ранения. На малую родину он тоже не уехал. Оказался детдомовцем, которого в своем городе ничего не держало. Малогабаритную квартиру свою, полученную за месяц до призыва, обменял на равноценную у нас. Так и остался. Проработал пару лет на обувной фабрике, а потом вдруг ни с того ни с сего уволился и арендовал у армян, которые, как известно, главные сапожники на всем постсоветском прострaнстве, шиферную будку. В старом квартале, на углу Свердлова и Диагональной, рядом со старым же Домом быта, ныне снесенным. Когда торговый комплекс постро-или, его директор, племянник нашего Игоря Ивановича, по просьбе дядки взял Гошу к себе.

И пошла для Лисицына обычная, казалось бы, жизнь. Никому стороннему не интересная. Посему можно было б поставить здесь точку и попрощаться. Да только какой тогда было смысл вообще вытаскивать на свет Божий не-веселые свои мысли? Подумаешь, холодного привезли! Ну так отогрели ведь. Препаратами, массажами, но более, я думаю, своим человеческим теплом, добрым отношением. Мало ли подобных случаев? Нет, не таких, конечно, в точ-ности, но чем-то схожих. Думаю, предостаточно.

9 июля

Пожалуй, продолжу.

С момента, как мы выписали пациента Георгия Лисицы-на, минуло лет десять.

Бабу Алю проводили на пенсию. Нет, ну сами посудите, разве ж можно в восемьдесят лет дежурить сутками? Да еще в приемном покое, где вечно сквозняки гуляют.

Спровадить-то мы Алевтину Петровну спровадили, но из-бавиться от нее оказалось задачей невыполнимой. Почти каждый день к нам захаживала, знаменитые свои пирожки с яблоками носила. Впрочем, никто и не возражал. Можно бабулю понять — ну чем, скажите, ей заняться, когда уж и внуки выросли?

Так вот, приходит она к нам однажды вечером. Мы с Игорем Ивановичем в приемном за шахматной доской сидели — он дежурил, а я перед уходом домой на часок к

нему заглянул. По доброй традиции.

Мы головы в сторону Алевтины Петровны повернули, уже рты раскрыли, чтоб поздороваться, а она как заголосит:

— Хорошо, ребята, что вы тут оба! Гошенька-то наш сбрендил! Совсем с ума сдвинулся и... и... и... — заело. За сердце схватилась, на кушетку повалилась, воздух ртом хватает, а сказать больше ничего не может.

Игорь Иванович вскочил, воды в стакан плеснул, поднес к губам бабы Али. Петровна глоток сделала, рукой махнула в сторону — мол, там. Прохрипела что-то невнятное, разобрали только, что про хоккейную коробку.

— Ты, Андрей, иди, посмотри там, чего случилось, — взгляд хирург выразил нешуточную озабоченность, — только мне обязательно отзовишься.

Я кивнул, схватил с вешалки куртку — декабрь морозами нас пока не радовал, на улице вторую неделю держалась нулевая мразь — и, застегиваясь на ходу, выскочил за дверь.

От нашей больницы до хоккейной коробки, если не торопясь идти улицами, то времени займет минут пятнадцать. Можно, конечно, сократить путь, добраться дворами. Вот только тропинки в такую погоду, когда с переменным успехом с неба то льет, то валит мокрый снег, превращаются непонятно во что. Сплошная жидкая грязь. И в вечернюю темень, дабы не сломать шею, лучше выбирать длинную дорогу.

Я хотел было срезать, но в последний момент выключил лишние эмоции, побежал по тротуару, то и дело натыкаясь на встречных прохожих. Даже не знаю, за кого тогда больше перепугался — за бабу Алю или за свихнувшегося Гошу. Естественно, пару раз поскользнулся, упал на колено, испачкал брюки и ушибся, но, слава Богу, ничего себе не сломал.

Картина, которая предстала перед моими глазами, когда я наконец оказался на месте, не столь напугала, сколько удивила.

Хоккейная коробка кишела неугомонной малышкой. Кто-то сгребал сырую снежную кашу и выкидывал ее за борта, другие попарно разгоняли воду тяжелыми металлическими скребками, двое мальчишек, изо всех сил уцепившись за вырывающийся из рук шланг, хлещущий мощной струей, пытались направить поток на ноги человеку, неспешно прогуливавшемуся среди всего этого безобразия. Сам человек выглядел более чем странно и при внимательном рассмотрении... оказался Гошей.

Эта самая странность заключалась в том, что Гоша не просто шараялся от мельтешащих вокруг него ребятшек. Он был бос. Да-да, закатав штаны по колено, ходил по щиколотки в ледяной воде, и... и я могу поклясться, что там, куда он ступал, вода покрывалась тоненькой корочкой льда...

Игорю Ивановичу я так и не позвонил. Забыл. Гошу тоже не окликнул, не выдернул с площадки. Почему-то решил, что мое вмешательство вовсе не требуется. Погрузившись в собственные мысли, я добрал до дому, молча (чем несказанно удивил жену) поужинал, вновь оделся и, взяв дежурную авоську — до сих пор не могу привыкнуть к полиэтиленовым пакетам, — направился в гастроном. Вот только ноги вели меня обратно — к той самой хоккейной площадке, откуда я ушел уж почитай как полтора часа назад.

Из состояния анабиоза меня вывел звонок.

— Андрей, ну ты чего? — раздался встревоженный голос Игоря Ивановича.

— Я? Да так... Ничего, — невпопад ответил я.

— Ты куда пропал? Что там с Лисицыным?

— С Лисицыным? Эээ... с ним все нормально. Баба Аля как?

— Заснула на кушетке. Я ей валокордина накапал, — уже более-менее спокойно произнес хирург, — и все-таки, Андрюш?

— Я зайду, ждите, — ответил я и нажал клавишу отбоя.

Гоша, уже в ботинках, стоял у борта и наблюдал за десятком мальчишек, которые выписывали замысловатые пируэты на свеженьком, сверкающем в свете софитов льду. Я подошел, встал рядом, поздоровался:

— Привет, Георгий.

Гоша повернулся ко мне и улыбнулся:

— Здравствуйте, Андрей Ильич. А я давеча вас видел. Ну... когда мы с пацанами каток заливали... Хотел окликнуть, рот раскрыл, а вас уж и след простыл.

Я пристально посмотрел Лисицыну в глаза, на минуту задумался, потом все же произнес:

— Так мне не померещилось?

— Нет, Андрей Ильич, — ответил Гоша и покачал головой, — не померещилось. День был тяжелый. Злой был день. Льда накопилось. Вот я и... А бабу Алю я, похоже, здорово напугал, да? Надо бы, наверное, извиниться.

— Надо бы, — отозвался я и, взяв парня под локоть, сдернул с места. — Пойдем-ка, дорогой. Я думаю, мы с Игорем Иванычем имеем право знать, какого такого льда у тебя накопилось. Так как, имеем?

— Знать? Да, да, разумеется, — не стал сопротивляться Гоша. И, несколько смутившись, кивнул.

Мы молча вышли со двора на улицу и направились в сторону больницы. Но, еще не дойдя до первого работающего фонаря, стали участниками удивительного происшествия.

Парочка молодых людей, идущая впереди, в каком-то десятке шагов, вдруг резко шараянулась в сторону, и нам под ноги вылетел крохотный меховой комочек. Щенок! За ним, раззявив страшную пасть, неся огромный, устрашающего вида волкодав. Все произошло так быстро, что я не успел опомниться.

Видимо, сработал тот древний инстинкт, который жив в некоторых людях, — инстинкт защиты слабого. Щенок каким-то невероятным образом оказался у меня за пазухой, сам же я, выставив вперед локти, приготовился к неминуемому, казалось бы, нападению. Но Гоша меня опередил. Как в замедленном фильме, я видел его голову, мгновенно побелевшую от инея, который вдруг покрыл густую рыжую шевелюру. Потом... Потом — я в этом могу поклясться чем угодно — из выброшенной вперед ладони Лисицына выросла длинная тонкая сосулька, которая тут же врезалась зверюге в голову и с треском рассыпалась на сотни мелких острых осколков. Не причинив псине заметного физического вреда, противодействие напугало ее до такой степени, что еще несколько мгновений я наблюдал лишь поджатый хвост, трусливо загнувшийся между мохнатых лапищ. Пес стремительно улепетывал в сторону ближайшей подворотни.

На какое-то время у меня пропал дар речи. Когда я обрел его вновь, мы уже стояли у входа в гастроном.

— Дай-ка зайду, — полушепотом произнес я. — Боюсь, без бутылки твою историю нам с Игорем Иванычем не осмыслить. Лисицына поддержишь?

(Да, передавая щенка Гоше, я попросту оговорился, назвав животинку его, парня, фамилией. С тех пор этот

ласковый подлиза и делит с моей семьей жилплощадь, а также гордо носит вместо привычной для дворняги клички типа Шарик, Бобик или Барбос свое героическое имя — Лисицын.)

10 июля

Мысли, мысли, мысли...

Я долго думал над Гошиной историей. И тогда, когда только услышал ее, по пути домой. И всю следующую неделю, а может, и не одну. И потом, глядя, как внучка радостно скачет вокруг неожиданно свалившегося ей на голову счастья в образе собственной собаки. Но поведать самую суть ее, поделиться мыслями на ее счет все же не решался. Нет, Лисицын против сохранения своей тайны или, наоборот, предания ее огласке никогда ничего не имел. Он, как ребенок, совершенно спокойно относится к жуткому Божьему дару и вовсе им не бахвалится. Так, применяет, когда в этом имеется необходимость. Не кричит на каждом углу, но особо и не прячется. Живя в собственноручно выстроенном крохотном мирке, Гоша, хоть и несколько наивен, но тем не менее догадывается, а может, и знает, что человеку обыкновенному, каких на Земле подавляющее большинство, прослыть сумасшедшим или лжецом гораздо страшнее, чем просто поверить собственным глазам. Потому и спокоен.

Бабы Али не стало три года назад.

Игоря Ивановича, чье горячее неравнодушное сердце не выдержало четвертого инфаркта, похоронили на прошлой неделе.

Да и сам я, к сожалению, с каждым прожитым миготнюдь не становлюсь моложе. И не доверь я своих умозаключений, сделанных по поводу Гошиного дара, сейчас, сию минуту, — пусть даже только тетрадным листам, — завтра я на это, скорее всего, и не решусь. Или поленюсь. Но оставляю лишь в своей голове. Факт.

В общем, тогда, промозглым декабрьским вечером, сидя в уютном, продуваемом сквозняками приемном покое за письменным столом, — бутылку так и не откупорили, — мы очень тихо, не перебивая, слушали сбивчивый, пересыпанный междометиями рассказ не слишком-то, прямо сказать, счастливого человека. Но человека, под влиянием страшных обстоятельств научившегося делать то, о чем, должно быть, мечтают многие из нас. Человека, трансформирующего горести и беды, страх и гнев в лед, который, как известно, просто вода, пусть и в твердом состоянии. И главное, человека, научившегося этим льдом управлять, попросту снимая мерзлую корку с сердца самым буквальным образом. Избавляясь от внутренней стужи, так часто сковывающей душу при виде несправедливости. Избавляясь от собственной внутренней боли и делая это во благо не только себе.

У меня перед глазами то и дело всплывает живая картинка, в которой я вижу раненного в ногу рыжеволосого мальчишку-снайпера, который под дулом пистолета отказывается подчиниться приказу озверевшего на войне капитана — приказу стрелять в детей, стоящих в тупике узкого ущелья заградительной шеренгой перед трусливо прячущимися за их спинами бандитами. Я словно слышу истеричный крик сошедшего с ума командира: «Лисицын, сука ты драная, стреляй! Последний раз приказываю: огонь на поражение! Это не дети! Это звериное отродье, которое, не прикончи его сейчас, вырастет и будет убивать

ФАНТАСТИКА

твоих детей». Я чувствую своим собственным сердцем ту ледяную корку боли и ненависти, что сковывает сердце паренька. Ту корку обжигающей наледи, которая вдруг с треском лопается, вызывая одним лишь эхом обрушение тяжелых снежных козырьков, нависавших над расщелиной с крутых обрывов черных скал...

Дети остались живы. Остальные погибли. Все. И боевики, и свои. Гоша уцелел чудом — спасибо санитарам. Спасибо Игорю Ивановичу, медсестрам, да и мне немножечко. Нам спасибо. Да, мы попытались отогреть его не столько уколами и грелками, сколько обычным человеческим теплом. Но стоило ли это делать? Отогреть человека, который твердо решил замерзнуть? Я не знаю.

Молчит и Гоша.

И вот еще что мучает меня: правильно ли поступает человек, неся гибель самим смерть несущим? Речь не только о врагах, но и о своих, о тех, кто сражается на твоей стороне и с тобою же делит пищу и кров. Во время войны. Ну так как, правильно?

Не знаю я и этого.

Знаю только то, что видел собственными глазами тогда, почти двадцать лет назад: жить Гоша не хотел. И не собирался. Не приходя в сознание, он тем не менее погружал свое тело в пучину ледяного холода, исторгаемого собственной же душой. Он, терзаемый душевной болью, попросту убивал себя. И убил бы, кабы не мы. Будьте уверены. А так...

Впрочем, все уже сказано. Вот только мысли...

11 июля

Мысли, мысли, мысли... Что делать с ними? Как их подчинить? Логика! Разум! Трезвый рассудок!

Да, да, конечно... Не делай, не подумав. Семь раз отмерь. Абстрагируйся от...

Мысли...

Скажет мне кто-нибудь, почему вдруг я, всегда спокойный и уравновешенный, лишь завижу, пусть только и на экране телевизора, проявление дикой, нечеловеческой агрессии, то чувствую, как мои ладони начинают покрываться инеем? Ну? Кто?

Ты? Ты, черт, зараза!

Ах, ты же, зараза! Довольный-то какой! Наелся? Наелся, вижу... Радуетесь, хвостом виляешь. Ладно, Лисицын, пойдем в парк. Справим походя твои естественные надобности...

А мысли? Их бы так, да? Но, брат, увы, не получится.

А жаль...

